

— Жалко министра обороны. В старости лет дослужился до министра, а нажил такую беду... Эх!

— Далеко за городской стеной, тут уж ничего не поделаешь.

Цзинь Линьюэ казалось, что сегодняшняя еда совсем пресная. Непонятно только, почему Плакса уплетал всё с таким аппетитом — неужели из-за того, что сам он слишком привык к изысканным деликатесам?

Цзинь Линьюэ ел без всякого удовольствия, прямо так отложил палочки и сказал:

— Господин, я наелся. Пойду умоюсь в свою комнату, а чуть позже, когда придёт господин стражник Чжу, я позову вас.

— Хорошо, отдохни пока, ты устал.

— Угу.

Вернувшись в свою комнату, Цзинь Линьюэ прислонился спиной к двери и с тихой усмешкой погладил бешено колотившееся сердце.

Ранение не из лёгких? Да как такое возможно? Кто он такой? С его-то мастерством палки не могли повредить внутренности.

Это наверняка очередная задуманная им интрига.

Цзинь Линьюэ сполоснул лицо и прилёг подремать на мягкое постельное бельё.

Когда он уже начал погружаться в дремоту, до него внезапно донёсся едва различимый звук открывающегося окна.

Цзинь Линьюэ мгновенно насторожился и только собрался вытащить спрятанный в глубине кровати кинжал для самообороны, как на него повеяло холодом.

Его рот крепко зажала чья-то грубоватая рука.

— Не кричи, это я.

Рассмотрев гостя, Цзинь Линьюэ не мог понять, чего в нём было больше — радостного удивления или сомнений. Он во все глаза, не моргая, уставился на этого тощего мужчину.

Бай Юйхуэй!

Убедившись, что Цзинь Линьюэ не станет орать на весь дом, Бай Юйхуэй убрал руку и, полуразвалившись у края постели, скривился:

— Младший братик, я хочу пить, налей-ка мне воды.

Цзинь Линьюэ шлепнул Бай Юйхуэя по спине и усмехнулся:

— Сидел бы себе спокойно в Столице, припёрся сюда — и зачем тебе вода? Ты часом не рехнулся?

Бай Юйхуэй усмехнулся:

— Если ты не нальешь мне воды, как же я приму лекарство?

С этими словами он и впрямь вытащил из пазухи маленький чёрный флагманский пузырек, вытряхнул круглую пилюлю и уже собрался отправить её в рот.

Цзинь Линьюэ вдруг вспомнил слова министра Жэня о том, что Бай Юйхуэй получил палочные удары, и, наполовину веря, наполовину сомневаясь, поднялся налить ему воды.

Бай Юйхуэй осушил целый кубок, перевёл дух и блаженно произнёс:

— Вся дорога была сплошной болью и усталостью, младший братик, иди скорее обними меня.

...И правда. Его старший братик когда-то, в былые времена, больше всего на свете боялся боли. Каждый раз после нагоняя от учителя он просил: «Обними меня», а потом вёл его на кухню доедать лакомства, которые учитель прятал от посторонних глаз.

На мгновение потеряв рассудок, Цзинь Линьюэ чуть было не вообразил, будто снова оказался в те беззаботные годы.

К счастью, выдержка у него была неплохой, и он тут же пришёл в себя.

Вспомнив прошлое, он со злым умыслом отвесил ему ещё один шлепок.

Бай Юйхуэй, видимо, устал лежать и как раз карабкался на постель, волоча за собой ноющую, уставшую и больную нижнюю часть тела.

Шлепок, изначально предназначавшийся для спины, безо всяких промахов пришёлся прямо по больному задку Бай Юйхуэя.

Реакция Бай Юйхуэя была молниеносной: он уткнулся головой в тонкое одеяло, на котором только что лежал Цзинь Линьюэ, и крепко стиснул зубы так, что чуть не прокусил ткань насквозь.

Не смея издавать громких звуков, он тихонько простонал, а из глаз чуть не брызнули слёзы.

Цзинь Линьюэ, видя, как Бай Юйхуэй внезапно рухнул на кровать, и не понимая, в чём дело, услышал его комариное мычание. Придвинувшись ближе, он заметил, что лоб Бай Юйхуэя покрылся испариной.

Приглядевшись внимательнее, можно было заметить, что лицо у Бай Юйхуэя тоже не блещет здоровьем — под стать той старухе, что они видели днём.

— Что с тобой? Я же ударил несильно, нечего тут ломать комедию.

Бай Юйхуэй судорожно втянул воздух и сквозь зубы процедил:

— И правда больно.

Цзинь Линьюэ заволновался ещё сильнее:

— Да что с тобой?

Бай Юйхуэй с усилием подтянул тело повыше на кровать и выдавил:

— Я только-только получил палочных ударов, как сразу же помчался к тебе. От этой тряски в дороге мои раны давно открылись.

— Ты и впрямь изведal палок? И ранен тяжело?

Цзинь Линьюэ по-прежнему не верил, что Бай Юйхуэй мог получить наказание палками.

Судя по прежним слухам о Министре чинов, Бай Юйхуэй никогда не делал того, что могло бы обернуться для него убытком, а уж лавировать между всеми сторонами для него было плевым делом. Докатиться до порки палками — да ни в жизнь!

Если уж на то пошло, даже если бы его и побили, с его-то навыками боевых искусств он никак не мог валяться на постели блеклой тряпкой и издавать жалобные стоны.

Ах да, кажется, при дворе вообще никто не знал, что Бай Юйхуэй владеет боевыми искусствами?

Но всё равно не до такой же степени...

Человек на постели снова подал голос:

— Не веришь — взгляни сам.

Цзинь Линьюэ уже собирался обрушить на него ругань, но, взглянув на одежду в районе поясницы Бай Юйхуэя, заметил проступившие пятна крови.

Он тут же смягчил тон:

— И вправду... ранен?

Семнадцатая глава

Бай Юйхуэй сквозь зубы проговорил:

— Зачем мне тебя обманывать? И вправду ранен.

— Ты и сам горазд на обман. С чего это тебя вдруг вздумали пороть? В Судебном приказе Дали отродясь не выбивали признания силой.

Бай Юйхуэй горько усмехнулся:

— Это министр наказаний приказал высечь.

Цзинь Линьюэ помог Бай Юйхуэю забраться повыше на постель и произнёс:

— Разве вы с министром наказаний не в ладах? С какой стати ему тебя бить? Ха-ха, похоже, вы были собутельниками лишь до первой беды. Как только нагрянули неприятности, только и ждал, как бы поскорее от тебя отречься.

— Верно, в чиновничьих кругах так заведено. Ты ведь приехал недавно, а со временем привыкнешь. Послушай, у меня есть мазь, намажешь мне спину? — Бай Юйхуэй дрожащими руками извлёк из пазухи другие склянки и протянул их Цзинь Линьюэ.

Цзинь Линьюэ не стал больше спорить, взял маленький пузырёк с лекарством и внимательно

осмотрел его — и вправду кровоостанавливающее.

Глядя на всё сильнее краснеющую ткань одежды, Цзинь Линьюэ наконец не выдержал жалости и смягчил голос:

— Сидел бы дома, залечивал раны, какого чёрта притащился? Ты же так упорно твердил, что мы незнакомы, что ж теперь притворяться перестал?

Бай Юйхуэй уткнулся лицом в постель и пробормотал:

— Скучал по тебе до безумия, не прийти не мог.

Пальцы Цзинь Линьюэ, тянувшиеся за мазью, замерли в воздухе, а затем ещё бережнее легли на поясницу Бай Юйхуэя.

— Ты... как ты жил эти годы?

Ощув леденящую прохладу мази на спине, Бай Юйхуэй судорожно втянул воздух, и даже голос его задрожал:

— Ни хорошо, ни плохо. Сыт, одет, только вот нет того веселья, что было в юности.

Цзинь Линьюэ хотел расспросить дальше, но его прервал бормочущий голос Бай Юйхуэя:

— Я сбежал тайком. Дома кто-то прикрывает моё отсутствие, но долго это продолжаться не сможет. Дорогу я выбирал окольными тропами, боясь, что выследят: так быстрее, но очень утомляет. Младший братик, дай мне передохнуть. Ни о чём не спрашивай, я просто хочу немного отдохнуть у тебя. Если ты всё ещё злишься, что я бросил тебя тогда, можешь резать или убивать меня на своё усмотрение — в моём нынешнем состоянии я всё равно не смогу дать отпор. Император поручил мне самому расследовать гибель старого министра, и мне нужно поскорее тайком возвращаться обратно. Так что, младший братик, раз уж убивать и бить не собираешься, пока не задавай вопросов, ладно?

Цзинь Линьюэ пообещал:

— Хорошо, поговорим об этом в другой раз. Не шевелись, я пока намажу тебя.

Проведя рукой по спине Бай Юйхуэя, Цзинь Линьюэ не удержался и сдёрнул одежду, желая рассмотреть всё своими глазами.

Что это были за ощущения наощупь? С первого прикосновения казалось, будто это обычные

следы от палочных ударов, но подушечки пальцев, скользящие по краям ран, нащупали множество каких-то твёрдых бугорков.

Увидев переплетение чёрных и фиолетовых шрамов, Цзинь Линьюэ на секунду испытал брезгливость.

Если бы на постели лежал не его старший брат — любимый до безумия старший брат, — глядя на эти сменяющие друг друга старые и новые рубцы, его бы наверняка тут же вывернуло наизнанку.

— Страшно, да? — смущённо пробормотал Бай Юйхуэй.

Стоило Цзинь Линьюэ приподнять одежду, как он тут же пожалел об этом.

Не стоило ему показывать Цзинь Линьюэ эти омерзительные шрамы.

— Угу, очень страшно. Ты... опять подсматривал, как купается чья-то барышня, и тебя поймали и отлупили? — шутил Цзинь Линьюэ, а сам мазал раны ещё мягче и осторожнее.

— И всё-то ты про меня знаешь, младший братик.

— Прошное твоё затрагивать не буду, отвечай за настоящее. За что тебя отходили палками? — закончив с кровоточащими ранами, Цзинь Линьюэ собрался пройтись мазью по остальным шрамам, старым и новым. Поможет — не поможет, но просто смотреть и ничего не делать его совесть не позволяла.

— Они подозревают, что это я отравил старого министра. Ха-ха, недооценивают они меня.

— Как ты собираешься вести расследование? Есть ли зацепки? Тебе нужна...

— Яд особенный, найду источник яда, потяну за ниточку — и дело в шляпе. А у тебя как? Здесь всё прошло гладко?

Не успели они договорить, как с крыши донёсся еле слышный шорох.

Хоть Бай Юйхуэй и был слегка разморен дремотой, бдительности он не потерял и уже собрался подниматься на разведку.

В тот же миг в комнате раздалось: «Господин!» — и Бай Юйхуэй оказался наглухо укутан в сорванный Цзинь Линьюэ полог кровати.

Бай Юйхуэй уже было хотел выпутаться, но услышал голоса людей, стоявших за пологом.

— Господин, вы велели мне прийти тайком, чтобы никто не заметил, но подумав, я решил, что так проникнуть внутрь проще всего незаметно.

— Мда, пожалуй. Это твоя младшая сестрица?

— Мой брат сказал, что вам нужно расспросить кого-то из местных знатоков обо всём на свете. Я тут знаю каждый угол, спрашивайте меня о чём угодно. Да, братик, ты кажешься даже моложе моего брата, неужели ты и вправду такой большой чиновник? Мой брат смог выбиться лишь в императорские стражники с клинками, а ты ещё круче него? — Голосок девчушки был звонким и приятным, словно ночной соловей, отчего даже унылая ночь словно озарилась светом.

— Не смей проявлять неуважение к господину.

Цзинь Линьюэ улыбнулся:

— Твой брат излишне скромничает, императорский стражник с клинком — это должность, которую далеко не каждый сможет получить.

Услышав это, девочка повеселела ещё больше, и тут же заметила на постели странный кусок чего-то, завернутый в полог с головы до ног.

— Эт... это ещё что такое? — с удивлением спросила она.

Чжу Чжао, очевидно, был куда опытнее сестры и поспешно дёрнул её за рукав, заслонив собой обзор на кровать:

— Сяо Сяньсянь, не положено смотреть на непотребства, забыла?

Девочка по имени Сяо Сяньсянь усмехнулась:

— Братец, когда ты только что карабкался по крыше, о том, что смотреть не положено, ты почему-то не думал. Вдруг мы пришли не вовремя, и этот симпатичный братик как раз кувыркался на кровати с тем...

Чем дальше слушал Чжу Чжао, тем сильнее росло его беспокойство. Он торопливо зажал сестре рот ладонью и тихо прикрикнул:

— Что за глупости ты мелешь, соплячка? Меня целыми днями не бывает дома, и чему тебя

только учат?

— Ладно-ладно, поняла я, — девочка вырвалась и надула губы. — Раз уж пришли, спрашивайте скорее, о чём хотели, мне ещё спать ложиться надо.

Цзинь Линьюэ бросил косой взгляд на притворяющегося мертвецом Бай Юйхуэя под пологом и сказал брату с сестрой:

— Давайте перейдём в соседнюю комнату, там тоже есть человек, у которого накопилось немало вопросов. Подождите меня минутку, я выйду и разгоню всех снаружи.

Как только Цзинь Линьюэ вышел, девчушка стала ещё с большим любопытством коситься на то, что пряталось на кровати. Каждый раз, когда она вытягивала шею, чтобы лучше разглядеть лежащего, её тут же загораживал брат.

— Прощу сюда, — посёлок голос Цзинь Линьюэ из коридора.

Едва брат с сестрой вышли за дверь, Цзинь Линьюэ вернулся в комнату, сбросил с Бай Юйхуэя полог и прошептал:

— Отдыхай пока, я схожу в соседнюю комнату расспросить насчёт Дамбы Жиюэ. Я распорядился, в эту комнату никто не войдёт, спи спокойно и жди меня.

Бай Юйхуэй от духоты под пологом и впрямь начал клевать носом. Сквозь сон он кивнул:

— Хорошо.

Дверь отворилась и закрылась, в комнате снова воцарилась тишина.

Устроившись поудобнее, Бай Юйхуэй переполз на подушку Цзинь Линьюэ.

После целого дня тряски он наконец-то мог отдохнуть. Бай Юйхуэй заснул мгновенно — стоило ему уткнуться в подушку, пахнущую волосами Цзинь Линьюэ, как этот аромат подействовал на него словно успокоительное, мгновенно увлекая в сладкий сон.

Пока Бай Юйхуэй сладко почивал, в соседней комнате все собравшиеся уселись кружком, слушая рассказы Сяо Сяньсянь о событиях последних лет.

Всё было примерно так же, как узнал Цзинь Линьюэ днём: стоило старшему и младшему Чжу заступить на должности, как они тут же развернули бурную деятельность вокруг Дамбы Жиюэ — то собирали плату за проезд, то объявляли сбор средств на укрепление дамбы.

Младший Чжу пока ограничивался тем, что урезал выделенные казной средства, используя вместо качественных материалов дешёвые подделки, чтобы положить разницу в карман.

Старший Чжу оказался куда бессовестнее.

Поняв, какие барыши крутятся в этом деле, он за это время успел затеять несколько сборов средств с населения.

Простому народу объясняли так: соседние недружелюбные государства то и дело точат зубы на наше Государство Шэньцзинь, на границах бесконечные войны, львиная доля казны уходит на поддержку фронта, а потому на укрепление речных дамб времени и средств не хватает. Раз у государства нет денег на ремонт, мы можем скинуться сами — мол, вносите свой вклад в благо страны.

Поначалу эта басня казалась убедительной, ведь так оно и было: о приграничных войнах знали все, и раз уж господин Чжу сказал своё слово, народ решил: у кого есть деньги — поможет деньгами, у кого силы — поможет трудом.

Так что все эти бракованные материалы на самом деле были куплены на кровные гроши простолюдинов.

Во время строительных работ находились те, кто сомневался: мол, материалы выглядят ненадежными, не стоит ли заменить их на более прочные?

Господин Чжу в ответ лишь мягко улыбался:

— Финансовые возможности ограничены. Если в будущем удастся собрать больше серебра, мы обязательно заменим всё на лучшее.

Иными словами: считаешь материалы плохими? Что ж, раскошешься сильнее, призови людей собрать побольше серебра — и дело с концом.

Постепенно все привыкли и стали воспринимать выходки господина Чжу как должное.

Получив открытую поддержку господина Чжу, младший господин Чжу пустился во все тяжкие.

Дошло до того, что даже ежегодный обязательный спуск воды вниз по течению для предотвращения засухи стал поводом срубить деньжат за открытие шлюзов.

Никто бы и не узнал об этих делах, если бы не сам господин Чжу.

Старший Чжу был не только падок до денег, но и до женского пола.

Несколько его наложниц содержались в тайных домах за пределами поместья.

От нечего делать эти наложницы то и дело сбивались в кружки, начиная соревноваться, кому подарили больше подарков и у кого больше карманных денег.

В тот день две наложницы из-за какой-то обиды сцепились прямо посреди улицы.

В пылу ссоры они выложили наружу все эти чудовищные тайны.

И хотя господин Чжу тут же послал людей утихомирить болтавших лишнее женщин, слово — не воробей, и зеваки успели услышать всё до единого слова.

Сяо Сяньсянь оказалась одной из тех зевак.

Министр общественных работ служил уже несколько десятков лет и прекрасно знал о мелких поборах на местах — пока те не переходили разумных границ, на всё закрывали глаза. В конце концов, небо высоко, а император далеко, невозможно уследить за каждым шагом.

Но он никак не ожидал, что чиновничий беспредел на Дамбе Жиюэ достигнет такого размаха.

При этих мыслях министра общественных работ вдруг осенила догадка, и он спросил:

— Деточка, а знаешь ли ты, каким образом этот господин Чжу получил должность в уезде? А что насчёт младшего господина Чжу — ты говорила, что он двух слов связать не может, это правда? Для гражданского чиновника при дворе грамотность — самое базовое требование.

В груди Цзинь Линьюэ кольнуло: неужели всё это разрастётся в грандиозный скандал?

Он живо вспомнил полосу сплошных шрамов, увиденную только что на спине.

И те слова Бай Юйхуэя: «В чиновничьих кругах так заведено, привыкнешь».

Его старший брат, оказывается, изо дня в день жил среди таких вот сваливавшихся с неба бед?

Обида на старшего брата тут же испарилась больше чем наполовину.

По крайней мере, в те дни, когда они не виделись, его старший брат вовсе не жил так беззаботно и счастливо, как казалось со стороны.

Наверное, именно поэтому он и не спешил отыскать его сам.

Несомненно, так оно и было, утешал себя Цзинь Линьюэ.

Восемнадцатая глава

У девочки слипались глаза, и вскоре её начали одолевать зевота за зевотой.

Мужчинам стало совестно дольше утомлять ребёнка расспросами.

— Сяо Сяньсянь, спасибо, что пришла помочь нам во всём разобраться, ты нам сослужила огромную службу. — Министр общественных работ заметил, что время уже позднее, и решил закругляться.

— Не стоит благодарить. Мой брат сказал, что вы приехали расследовать дела двух взяточников. Если я еще чем-то смогу помочь — только скажите. Да, а если их признают виновными, что с ними будет? Их казнят?

— Сяньсянь, это государственные дела, не суй нос.

— А что такого? Спросить нельзя? Их казнят?

Все трое мужчин прекрасно понимали: если дело дойдёт до высших инстанций, двум свиноподобным господам живыми уже не уйти.

Но обсуждать смертную казнь при столь наивной и милой девочке они боялись — как бы не испугать.

Цзинь Линьюэ мягко произнёс:

— Мы люди маленькие, решать не нам, их судьбу определяют те, кто сидит наверху. Сяньсянь, время позднее, ступай отдыхать. И спасибо тебе за правду, которую поведала сегодня.

Сяо Сяньсянь ещё хотела расспросить о чём-то, но сидевший рядом Чжу Чжао слишком хорошо знал характер сестры. Он тут же зажал ей рот ладонью и с извиняющейся улыбкой произнёс:

— Господа, отдыхайте, я отведу сестрёнку.

Сяо Сяньсянь, недовольная тем, что ей закрыли рот, озорно куснула Чжу Чжао за ладонь и, понизив голос, прошипела:

— Уходим-уходим. Что, опять будешь тащить меня тайком? На этот раз смотри аккуратнее, чтобы ветки снова не порвали моё новое платье, я сшила его на заказ в этом году.

Чжу Чжао поспешно закивал:

— Ладно-ладно, маленькая моя заступница, я понял.

Когда брат с сестрой удалились, Цзинь Линьюэ бросил взгляд на Плаксу, пускающего слюни в постели, и тихо спросил:

— Господин, раз уж вы уложили ребёнка здесь, где же спать вам самому?

— Такой малыш, много ли места займёт? Поместимся вместе.

Министр общественных работ очень любил детей, а увидев, как Плакса мёртвой хваткой вцепился в его рукав, не стал выпроваживать его в другую комнату и оставил ночевать у себя.

Ребёнок ещё не до конца осознавал всю горечь потери близких, зная лишь одно: случилось страшное.

Днём он плакал и голодал, ночью наелся до отвала, а теперь от усталости вырубился мёртвым сном.

Кто-то из заботливых рук вытер Плаксе личико, и теперь, присмотревшись, можно было заметить, что мальчонка рос весьма ладным.

Цзинь Линьюэ заговорил:

— Господин, в общих чертах картина ясна. Приведём причастных чиновников сюда или доложим в Столицу? О Дамбе Жиюэ при дворе не утихают споры, так что чем скорее мы вынесем решение, тем спокойнее станет всем.

Министр общественных работ сбросил с лица манеру добродушного старика, и Цзинь Линьюэ на долю секунды ощутил от него волну безжалостной жестокости.

— Господин Цзинь, теперь и ты всё понял. В том, что с Дамбой Жиюэ случилась беда, есть доля нашей вины по недосмотру, в этом сомнений нет.

— Господин, вы...

— Сначала выслушай меня. — Министр общественных работ взмахом руки прервал Цзинь

Линьюэ и продолжил: — Я понятия не имею, каким образом ты получил повышение, да это и неважно. Важно то, что ты человек правого премьер-министра, в этом ведь я не ошибаюсь, господин Цзинь?

Цзинь Линьюэ сложил руки в приветствии:

— Можете не сомневаться, господин.

— Ха-ха-ха, вот и прекрасно. Раз уж на министерстве общественных работ в любом случае лежит вина, то если получится попутно затащить в эту мутную воду и министерство чинов, это станет отличной платой за нашу поездку.

<http://bllate.org/book/21823/2259736>